НАДГРОБНАЯ ЭПИГРАММА ДИНДИАНА

А. И. БОЛТУНОВА

(Москва)

Плита с надписью, о которой идет речь, была найдена в 1965 г. в Керчи [1] и хранится в Керченском Историко-Археологическом музее [2]. Как сама стела, так и начертанная на ней надпись, выполнены очень тщательно рукой опытного и искусного мастера [3]. Стиль стелы и характер письма заставляют датировать памятник концом I — первой половиной II в. н.э.

Текст надписи следующий:

Οὔνομα Δινδίανος μοι ἔχων/δ'ἔτι κούριον ἄνθος
πρωθή/βης ἱερῆς ἔπλεον ἐξ 'Αλύβης/
τυτθῆς ἐνπορίης πειρώμε/νος· ἀμφὶ δὲ γαίαν
Κιμμερί/ην Μοίρων ἐξετέλεσσα μί/τους
ἄχνοος. Οὐδὲ τι σῆ/μα κατ' ἀνθήσαντος ἰούλου,/
οὐ τι δὲ γᾶ μάτηρ οὐ τε θα/νόντος ἔχει.
Πλεῖτε νέοι,/πλεῖτ' ἄνδρες ὅπου μόνον/ ἠελίου φῶς·
ἔντελος ἀν/θρώποις πᾶσι βίου θάνατος.

Перевод: ,,Я, по имени Диндиан, еще в расцвете юности плыл из священной Алибы, пытая счастья в небольшой торговле, и возле Кимме-

[1] Остатки античного некрополя в Керчи в том месте, где сейчас расположена улица Кирова, были открыты еще в 1961 г. при строительстве нового жилого массива. Тогда же там было найдено 9 надгробных памятников, из них 8 имеют греческие надписи, в том числе 2 — метрические. Одна из метрических эпитафий опубликована в 1968 г. в ВДИ № 8, стр. 130—132, вторая пока не издана. Остальные 6 надгробий опубликованы в 1969 г. в КСИА № 116, стр. 49—54. Стела с надписью, которой посвящена данная публикация, найдена на углу улиц Кирова и Горького.

[2] Мраморная стела разбита посередине на две части, но текст надписи сохранился полностью. Общая высота памятника — 1,30 м., ширина — 0,57 м., толщина — 0,105 м., высота поля, покрытого надписью — 0,68 м., ширина — 0,485 м.

[3] Плита тщательно обработана с лицевой стороны и по боковым граням; оборотная сторона сглажена менее тщательно; снизу, до высоты 0,36 м. лицевая сторона не сглажена: эта часть плиты вставлялась в постамент и не была видна. Надпись состоит из 13 строк, начертанных без линеек. Распределение текста по строкам не совпадает с разбивкой его на стихи. Поэтому резчик выделил стихи с помощью значков в виде коротких горизонтальных черточек, помещенных на середине высоты строки. Лигатур нет.

StCl, XV, 1973, p. 125–130, Bucureşti

рийской земли молодым завершил нити Мойр. Ни у могильного памятника над расцветшим первым пушком, ни у Матери-Земли нет ничего от умершего. Плывите, юноши! Плывите, мужи, где только светит солнце! Для всех людей завершение жизни—смерть''.

Из текста надписи видно, что некий юноша Диндиан отправился, по-видимому, из родного города с торговыми целями на Боспор и погиб в море где то у берегов Крыма. Тело его не было найдено, не было предано земле, и стела с надписью была установлена на пантикапейском некрополе над кенотафом.

Рассказ ведется от лица погибшего. Назвав свое имя, он сообщает, откуда он плыл, говорит о цели путешествия и о месте своей гибели. Однако назначение надгробной эпиграммы — не только сообщить имя умершего, но и пробудить у прохожих чувство симпатии к нему и сострадание к его безвременной смерти. В греческих эпиграммах эпохи эллинизма и позже, если говорится о людях пожилых, то рассказывается об их славных делах, безупречно прожитой жизни, оставленном потомстве; если речь идет о юноше или девушке, то упоминается о несбывшихся надеждах, непережитых радостях, не состоявшемся браке, о коварном и завистливом божестве, оборвавшем молодую жизнь, о безмерном горе родителей, сооружающих памятник и тем проявляющих свою любовь и скорбь.

Ничего этого нет в эпитафии молодого купца Диндиана. О покинутых родных и близких не упоминается; утраченные надежды и непережитые радости читаются между строк, настойчиво подчеркивающих юность погибшего. О самой трагедии его безвременной гибели сказано просто и с эпическим спокойствием, также как и об отсутствии погребения. Погибший как бы полностью ушел в небытие и отрешился от всего земного: словно из потустороннего мира звучит полный безразличия и отрешенности заключительный дистих: ,,Плывите, юноши, плывите, мужи, всюду, где только светит солнце: для всех людей завершение жизни — смерть''. Доминирует не отчаяние, а мягкая грусть об умершем.

Стихотворный размер эпиграммы — обычный элегический дистих. Автор текста был не только грамотен, но и хорошо владел искусством стихосложения; в языке эпиграммы, в целях благозвучия, использован прием смешения ионических [4] и дорических[5] элементов, введенный еще в эпоху эллинизма. Особенно заметно преобладание гомеровских выражений: упоминание Алибы[6], эпитеты, рисующие молодость погибшего: κούριον ἄνθος[7], πρωθήβης[8], ἀνθήσαντος ἰούλου,[9] и такие, взятые из эпоса выражения, как γαῖα[10], ἠελίου φῶς[11].

Любовь к выражениям и образам, заимствованным из эпической поэзии, была присуща классической эпиграмме V в. до н.э., изображавшей воинские и гражданские доблести умерших, чтобы они служили примером для потомков. В художественном отношении это было оправ-

---

4 Οὔνομα, κιμμερίη, ἐνπορίη.
5 Γᾶ, μάτηρ
6 Cf. Il., B, 857.
7 h. Cer. 108.
8 Il. 8,518; Od. 8, 262—263; h. Ap. 450.
9 Первый пушок бороды: Od. 11, 319.
10 Il. 1,254; 7,12; 23,206; Od. 5, 280.
11 Cf. Il., 8,485.

дано потребностью осветить героические черты погребенных. Во II в., особенно в эпоху Адриана и Антонинов, в римском искусстве и поэзии господствует направление к возрождению классицизма и подражанию формам греческой классики. К началу II в. оживает вновь и форма классической эпиграммы и во II в. эпиграмма даже переживает некоторый кратковременный расцвет; в ней мы вновь наблюдаем пристрастие к выражениям, взятым из эпоса. В поисках возврата к древним истокам поэтического творчества, поэты и, в частности эпиграмматики, обращаются к эллинистическому Востоку; возрождение эпиграммы во II в. н.э. характерно в значительной степени для Малой Азии. Однако, отсутствие единства в античной культуре Востока того времени, смешение восточного, архаического, архаизирующего, классического и эллинистического, вместе с утратой греческого восприятия жизни и греческого чувства формы, лишали античное искусство и античную поэзию того времени внутренней силы.

Эпиграммы в то время высекались в массовом количестве на надгробиях людей самых разнообразных профессий и слоев общества, в том числе купцов, ремесленников, наемных рабочих и даже рабов. Сочинители надгробных эпиграмм старались писать поэтически возвышенным стилем даже о простых людях и обыденных вещах. В таких эпиграммах выражения, взятые из эпической поэзии, звучали искусственно и в этом отражалась утрата подлинного художественного вкуса, отход, как от глубокой жизненности классического искусства с его строгой торжественной простотой, так и от реализма эллинистического искусства, создавшего свои художественные формы для отражения жизни и чувств простых людей, как в изобразительном искусстве, так и в поэзии.

Отличительные черты, присущие надгробным эпиграммам II в., позволяют сопоставить эпитафию Диндиана с многими синхронными ей метрическими эпитафиями. В качестве одного из примеров можно привести найденную в Риме эпитафию юного Акилина [12], выполненную также в элегическом дистихе. В ней мы встречаем ряд аналогичных эпитафии Диндиана выражений и оборотов, хотя она более пространна, несколько иная по содержанию и настроению. Тем не менее эпитафии Диндиана и Акилина, как и ряд других II в. н.э., характеризует поэтичность, отраженное в них чувство и возвышенность стиля. В этом отношении от них отличаются эпитафии III в. н.э. и более поздние, где вместо поэтического стиля — повседневная речь с разговорными оборотами, вместо глубоких чувств — деловой рассказ. Растворяется и форма стиха: элегический дистих с его чеканно завершенной формой уступает место свободному от этой завершенности гексаметру. Характерным примером такого рода, отражающим уже полное вырождение надгробной эпиграммы, как поэтического жанра, может служить надпись, датированная 227 г. н.э., найденная также в Керчи [13].

---

[12] IG XIV (1890) n 1362; W. Peek, GV I (Berlin, 1955) n 1970; *Griechische Grabgedichte* (Berlin, 1960) n 462.

[13] СА, 1959, № 1, стр. 168—172; КБН, № 147.

Стела Диндиана, очевидно, была изготовлена на его родине в Малой Азии и в готовом виде привезена на Боспор [14]. Об этом говорит как оформление стелы, так и характер письма, отличающие её от синхронных боспорских надгробий [15].

Возникает вопрос, откуда плыл на Боспор молодой Диндиан и что следует понимать под ,,священной Алибой''.

Единственное упоминание Алибы имеется в Илиаде в каталоге троянцев:

Αὐταρ 'Αλιζώνων 'Οδίος καὶ 'Επίστροφος ἦρχον
τηλόθεν ἐξ 'Αλύβης, ὅθεν ἀργύρου ἐστι γενέθλη [16]

Алиба, один лишь раз упомянутая в Илиаде, ни разу затем не выступает ни в литературной традиции, ни в эпиграфических документах. Местоположение её было неизвестно уже Гекатею [17], вместе с обитавшими там ализонами она была ,,гомеровской загадкой''. Не располагая об Алибе никакими сведениями, древние греческие ученые, на основании чисто звуковых сближений, выдвигали различные предположения об отождествлении этого названия с какими то другими названиями как 'Αλόπη, 'Αλόβη, и с этнонимом Χάλυβες. Помещали Алибу и в Вифинии, и в Троаде, и в долине Галиса, где были известны залежи серебра. Однако все эти предположения восходят уже к тем временам, когда все указанные местности были хорошо известны грекам. Деметрий Скепсийский, живший в Троаде в начале II в. до н.э., автор большого труда о 61 стихе троянского каталога [18], не мог прийти ни к какому выводу о локализации Алибы; правомерность отождествления гомеровских ализонов с халибами и возможность чтения τηλόθεν ἐξ Χαλύβης он решительно отвергал [19]. Страбон же, напротив, энергично отстаивал мысль, что под Алибой и её обитателями ализонами следует понимать халибов-халдов и их страну [20]. Д. Грэй выражает удивление по поводу того, что спор о локализации Алибы вос-

[14] Непонятно, однако, почему кенотаф был сооружен в Пантикапее, а не на родине погибшего; остается лишь предположить, что керченская стела могла дублировать памятник, установленный в родном городе на что, может быть и намекают слова: οὔ τι δὲ γᾶ μάτηρ οὔ τε θανόντος ἔχει.

[15] Из надгробных стел, найденных на Боспоре, со стелой Диндиана ближе всего может быть сопоставлено надгробие уроженца Синопы Клавдия Мениллиона (ИАК 18, 1906, стр. 132, № 49), а отчасти — навклера из Тия Тертия Руфа (ИАК 58, 1915, стр. 24, № 9; стела его прислана родственниками) и упомянутая уже стела 227 г. (СА, 1959, № 1, стр. 168—172), воздвигнутая также иноземцами. Надгробия изготовлявшиеся в конце I и во II вв н.э. в боспорских мастерских, украшались, как правило, рельефами, иногда двумя, и даже тремя, расположенными вертикально; стиль этих рельефов был уже очень далек от стиля греческих рельефов и был проникнут чертами влияния сарматского искусства. Шрифт надписи Диндиана отличается строгой монументальностью: буквы ровны, симметричны, одинаковой высоты (выс. строки 2,1 см. и лишь Ф, выступая вверх и вниз строки, достигает 3 см.). Украшения букв сведены к минимуму. В надписях Боспора такой шрифт, выполненный столь тщательно и красиво, применялся почти исключительно в официальных документах.

[16] B. 856—857.

[17] Strabo, XII 3,20, 22; XIII I, 45.

[18] Strabo, XIII I, 45.

[19] Strabo, XII 3, 20, 23.

[20] Strabo, XII 3, 20—25.

ходит к Гекатею, в то время как греки открыли её в VII в. [21]. Д. Пейдж, рассуждая о времени создания каталогов ахейцев и троянцев, приходит к выводу, что троянский каталог уже существовал в эпических сказаниях, относящихся ко времени троянской войны и отражал те скудные знания греков о Малой Азии, которые они имели в те времена. Таким образом включение Алибы в каталог троянцев древнее ионийской миграции в Малую Азию. Само название Алибы, вместе с упоминанием ее серебряных рудников, были уже для ионийцев, а тем более для греческих ученых эпохи эллинизма, не более как названием, сохранившимся от микенского прошлого. То же можно сказать и о ряде других имен и названий, не упоминавшихся после конца микенской эпохи; они могли стать известными ионийским поэтам не иначе, как из сохранившейся от той поры устной традиции. Таково мнение Д. Пейджа [22]. Той же точки зрения придерживается и К. Ребук [23].

Большая часть исследователей, однако, склонна датировать троянский каталог более поздним временем. Так У. Олбрайт относит его составление ко времени после падения хаттского царства, но не позже возникновения лидийского царства [24]. П. Эндрьюс склонен считать, что составление троянского каталога относится или к самому Гомеру, или ко времени ему близкому [25].

В. Бурр также полагает, что в основе троянского каталога лежат данные, которые были известны при составлении Илиады, но кроме того в него включены и более поздние сведения полученные в результате милетской колонизации [26].

Г. А. Меликишвили считает, что аргументы в пользу микенского происхождения троянского каталога мало убедительны, а утверждение Д. Пейджа о том, что в античную эпоху греки ничего реального не знали о стране Алибе и её обитателях ализонах — неверно. Ализоны находят свое соответствие в Халиту (*Ḫaliṭu—Ḫalizo*), стране лежащей у Киликийского Тавра в восточной Малой Азии и упоминаемой в урартской надписи Русы II (685—645 гг. — УКН 278). В ассирийских источниках IX—VII вв страна эта известна под названием Табал. Что же касается названия страны гомеровских ализонов, то Ἀλύβη Г.А. Меликишвили слонен рассматривать как вариант названия Халибов.

Поддерживая таким образом правомерность сопоставления Страбоном названий Алибы и халибов, Г. А. Меликишвили отмечает однако, что авторы и классической и эллинистической эпохи, а в том числе и сам Страбон, мало могли сообщить реального о халибах и не могли точно локализовать территорию, ими заселенную. В древнейшую эпоху сноше-

---

[21] D. H. Gray, *Metal-Working in Homer*, JHS 74 (1954), p. 13.

[22] Denis Page, *History and Homeric Iliad*, Berkeley and Los-Angeles, 1959, p. 134—147.

[23] C. Roebuck, *Ionian Trade and Colonisation*. New York, 1959, стр. 40. прим. 66: „приходится думать, что упоминание Алибы, как источника серебра, могло быть частицей легендарных сведений от бронзового века, поскольку греки не знали о серебре в Понте до тех пор, пока Черное Море было открыто в конце VII в."

[24] W. F. Albright, *Oriental Glosses on the Homeric Problem*, AJA 54 (1955), 3, pp. 172—173.

[25] P. B. S. Andrews, *The Mycenaean Name of the Land of the Achaians*, Revue Hittite et Asianique XIII, 56, 1955, p. 7.

[26] V. Burr, *Neon Katalogos. Untersuchungen zum Homerischen Schiffskatalog*. Leipzig, 1944, p. 149—153.

ния греков с Малой Азией более интенсивными были с запада и с юга, поэтому в гомеровские времена ализоны и их страна Алиба локализировались где-то в восточной части Малой Азии, но позже, с возникновением греческих колоний на южном берегу Понта Евксинского, халибы более конкретно связывались с территорией, примыкавшей с юга к греческим городам юго-восточного Причерноморья (Strabo XII 3,18) [27].

В надгробной эпиграмме Диндиана, после Илиады, Алиба упоминается впервые. Присвоение родине Диндиана легендарного наименования ,,священной Алибы'' объясняется фантазией поэта, увлеченного гомеровскими реминисценциями и стремившегося овеять повествование о погибшем романтической дымкой седой героической древности, но в то же время это отражает и какие то сохранившиеся в сознании автора эпиграммы традиционные представления, позволившие ему связать с Алибой конкретную страну в Причерноморье. Текст эпиграммы не содержит никаких деталей, которые помогли бы разгадать из какого приморского города, поддерживавшего торговые связи с Боспором, плыл молодой купец. Имя ,,Диндиан'' ни в одном из городов Малой Азии, насколько известно, пока не встречалось.

Если принять точку зрения Г.А. Меликишвили, связывающего названия Алибы и ализонов с халибами, то отчизной (πατρίς) Диндиана должен был быть какой то из городов побережья восточнее реки Галиса— Амис, Фарнакия, Трапезунт. В надписях, найденных на Боспоре, ни Фарнакия, ни Трапезунт ни разу не упоминались. Но четыре надгробия из найденных до сих пор на Боспоре[28] принадлежат уроженцам Амиса. Если вспомним, что страна халибов в представлении греков была ,,родиной железа'', и что ,,халибское'' и ,,амисское'' железо пользовалось особой славой[29], предположение о том, что родиной Диндиана мог быть город Амис, кажется не лишенным вероятности.

---

[27] Г. А. Меликишвили, *К изучению древней восточномалоазийской топонимики*, ВДИ 1962, № 1, стр. 56—57. Признание убедительности доводов Г. А. Меликишвили в пользу идентификации гомеровской Алибы со страной Халиту может помочь разрешить ,,гомеровскую загадку'' только для современных ученых: Однако это не доказывает, что для древних греческих ученых, оживленно полемизировавших об ализонах и Алибе и при этом ничего не знавших об урартских надписях и о Халиту ,,загадка'' казалась разрешенной. (Ср. слова Евстафия в его комментарии к Il. 856 сл.: Περὶ τούτων [т.е. об ализонах] πλείστη παρὰ τοῖς παλαιοῖς ἀμφιβολία).

[28] КБН №№ 249, 250 [III в. до н.э.], № 124 (I в. до н.э.) № 530 (I в. н.э.)

[29] Ps.-Aristot, *De mir. ausc.* 48.

ΟΥΝΟΜΑ ΔΙΝΔΙΑΝΟΣ ΜΟΙ ΕΧΩΝ
ΔΕ ΤΙΚΟΥΡΙΟΝ ΑΝΘΟΣ ΠΡΩΘΗ
ΒΗΣ ΙΕΡΗΣ ΕΠΙ ΛΕΘΗΝ ΕΣ ΑΛΥΘΗ
ΤΥΤΘΗΣ ΕΝ ΠΟΡΙΗΣ ΠΕΙΡΩΜΕ
ΝΟΣ ΑΜΦΙΔΙΑΙΑΝ ΚΙΜΜΕΡΙ
ΤΟΥΣ ΑΧΝΘΟΣ ΟΥΔ
ΜΑ ΚΑΤΑΝΘΗΣΑΝΤΟΣ ΙΟΥΛ
ΟΥΤΙ ΔΕ ΜΑ ΤΗΡ ΟΥ ΤΕΘΑ
ΝΟΝΤΟΣ ΕΧ ΠΛΕΙΤΗΝ ΘΙ
ΘΥΜΟΝΟΝ
ΝΤΕΛΟΣ
ΙΒΙΟΥ ΘΑΝΑΤΟΣ

